

Огромный автобус неуклюже вилял по проселочным дорогам. Пассажиры колыхались в окнах. Со стороны посмотришь: заблудился, что ли? Морозящий дождь казался зеленоватым от сочной болотной травы, от молодых березовых листочков, с которыми перемешивались его капли, слипаясь в тонкие струи.

Предстоящая встреча тревогой студит душу, выжимает слезы. По сторонам дороги бесконечной чередой обелиски.

...С октября 1941-го по март 1943-го здесь прогремело четыре сражения, в которых участвовали миллионы солдат и тысячи танков. На центральном участке советско-германского фронта развернулась одна из кровопролитных битв Великой Отечественной. Сегодня ее называют Ржевской. В ней потери, по последним данным, превосходили потери Сталинградской битвы. Командующие Калининским и Западным фронтами не любили вспоминать о тех днях, когда, отодвинув фашистов от Москвы, советские войска остановились здесь, в ржевских болотах. На два года.

Безуспешные лобовые атаки породили жуткие названия этих мест: «трупное поле», «долина смерти», «роща смерти». Современные исследователи отмечают, что ни свидетельства выживших, ни немецкие трофейные документы не обнаруживают ни одного факта коллективной сдачи в плен. Не сдавались до последнего вздоха.

В официальной историографии Великой Отечественной войны до недавних лет отдельно ржевских сражений не было, хотя по жертвам, по протяженности, по трагедийности ржевские битвы не сравнимы ни с какими другими. Болота тверской земли скрывают до сих пор жуткую трагедию тех дней. «Спросите любого из трех встреченных фронтовиков, и вы убедитесь, что один из них воевал подо Ржевом, — написал участник тех событий писатель Михин. — Сколько же побывало там наших войск!»

Земля ржевская — историческая. Омывает ее Волга, река, которая родилась в этих местах. Она здесь такая, какую ее создала природа: нет запруд, плотин. Все здесь изначальное!

...Автобус проехал город Зубцов. Год его основания — 1216-й. Следующий на пути — Ржев. Первое упоминание о Ржеве относится к 1019 году. Древнейшие места. Далее поворачиваем на Оленино. С Оленино разворачиваемся на Нелидово. Такое петляние автобуса понятно: надо доставить немногочисленных пассажиров по городам и селам до самых Великих Лук. Правда, мне показалось, что судьбе угодно было, чтобы я проехала по местам, которые видела только на карте военных действий Ржево-Вяземского сражения: Зубцов, Ржев, Оленино, Нелидово...

Среди тех миллионов участников сражения, среди красноармейцев со всего огромного Союза воевали на калининском направлении и мои земляки. И среди миллионов погибших — они. Сибирские полки прибыли в начале февраля 1942 года на подкрепление Калининскому и Западному фронтам, задыхающимся от натиска группы немецких армий «Центр». Стоял жуткий холод: 35 мороза.

Сейчас за окном лето 2019-го. Я в автобусе пробираюсь долго и медленно к братской могиле, где сегодня покоятся мои земляки. Трое. Воробьев Дмитрий, Быстрянец Федор, Долженко Дмитрий. В могиле захоронены сотни. Но я еду к трем. Они алейские.

Воробьев призывался, правда, с Ключевского района, но его сын Константин — почетный житель города Алейска, всю свою жизнь прожил в нашем городе. Здесь родились дети Константина, внуки. Быстрянец Федор — из Малиновки Алейского района, а Долженко Дмитрий — из моего родного села — Горевки. Тоже алейчанин.

Дорога получилась дальняя: Алейск — Барнаул — Москва — Нелидово — Яблонька. Деревня с этим ласковым названием — место одной из многочисленных братских могил на тверской земле, найденное в Книге Памяти. Когда значит: «Без вести пропал», то представляешь огромную карту СССР и Европы. Где?! А здесь конкретный адрес, будто призыв: «Мы здесь! Приезжайте, приходите! Поплачьте! Омойте слезами наши могилы, скажите нам прощальные слова, как положено по русскому обычаю. Адрес нашей прописки посмертный. Лежим по-братски вперемешку с русской землей, в гимнастерках и бушлатах, пилотках и ушанках, в сапогах и без. С 1942 года. И будем лежать вечно вдали от родных мест под голубыми пилонами с нашими фамилиями».

Внуки моего односельчанина Долженко Дмитрия передали со мной свои фотографии, фото детей, правнуков для деда. Свечи. Цветы.

Дмитрий был трактористом до войны в нашем селе, и повестка на фронт застала его в поле. Прямо с трактора он был доставлен в райвоенкомат, а оттуда на Калининский фронт танкистом. Воевать бойцам пришлось недолго: Быстрянец Федор, что из соседнего села Малиновка, погиб 27 февраля 1942 года в самом начале Ржевско-Вяземского наступления; Дмитрий Долженко — 12 марта, а Воробьев Дмитрий — 13 марта 1942 года. Друг за другом. Под беспрестанным огнем. Шел красноармейцам в момент гибели 41-ый год. Всем троим. Такие бывают совпадения. Это были мужики-труженики, отцы семейств. На их руках еще не сравнялись трудовые мозоли от косы, от лопаты, от топора, от штурвала трактора. В ночи наваливались на солдат еще яркие воспоминания о родных степях, рощах. О семьях. Ведь всего полгода, как из дома. Но воспоминания перемешивались с жуткими картинками прошедшего дня. И ад стоял перед глазами. Ведь был здесь настоящий ад.

...По специально положенным доскам, чтобы не угодить в грязь, спускаюсь с насыпной дороги к окраине стоящего стеной леса. Небольшая поляна ограничена полукругом берез. Здесь между стволами деревьев далеко видны ярко-синие пилоны с фамилиями тех, кто нашел вечный покой в братской могиле. Фамилий — сотни. Глава поселения Ольга Анатольевна, сопровождавшая меня, закрепляет на пилоны самодельные новые таблички. Кто-то отыскал родственников, которые значились в похоронках как без вести пропавшие, а оказалось, что погребены они тоже в братской могиле на краю села Яблонька.

Сейчас здесь стоит тишина. Яблонька исчезла с карты Нелидовского района, когда уже наступил мир. Как и многие российские села. У пилонов свежие, не успевшие засохнуть гвоздики, розы, невыгоревшие венки. «Сюда часто приезжают родственники погибших со всех концов бывшего СССР», — объясняет Ольга Анатольевна.

Я стою у могилы и непрерывно говорю, говорю, расставляя свечи, цветы и портреты. Говорю, вроде рассказываю Ольге Николаевне, а мысленно тем, кто лежит в братской могиле. «Конечно, сын Иван, оставшийся после гибели отца девятилетним подростком, нахлебался горя и слез. Все хозяйство было на нем. Доставалось ему и бича, если не справлялся на работе: заступиться некому. Дочь Валя за неуплаченные в срок продналоги побывала в исправительно-трудовом лагере вместе с матерью и теткой. А брат в это время один мыкался у бедных родственников. Иван и Валя были маленького роста. Наверное, и погибший отец, Дмитрий Долженко, был таким, ведь танкисты должны быть невысокими», — говорю, и слезы текут по щекам. Мой неслезливый характер расплавился от той беды, которую я представила явственно в ржевских, нелидовских лесах и болотах. Я говорила, а временами будто причитала: «Живут дети Ивана и Валентины, твои внуки, Дмитрий, сейчас хорошо. Но дочь и сын уже умерли. У Ивана было пятеро детей, четверо из них с высшим образованием. Здесь и агрономы, и зоотехники, и ветврачи, и учителя. У Вали дочь работала до пенсии директором школы. Только сами они, сын и дочь твои, безотцовщина, дети войны, не смогли выучиться. А Мария твоя, Семеновна, дожила до восьмидесяти трех

лет, и привезу я ей землицы на могилу от этой поляны. По земле бегают резвые ножки твоих двенадцати правнуков». Все, что скопилось в душе от дорожной печали, вдруг выплеснулось слезами. Мне казалось, что безмолвные слушатели в земле слышат мой голос. Ведь такая пронзительная стоит тишина! Пропитанное этой тишиной время над братской могилой звенело, и чуть колыхался теплый, влажный из-за мелкого дождя ветерок. Дождичек моросил, мешаясь на щеках со слезами.

Деревня Яблонька, переходившая из рук в руки — от красноармейцев к немцам — сожженная, взрытая гусеницами танков, схоронившая солдат и своих сельчан, мирных жителей, исчезла, оставив свое светлое название навеки в Книге Памяти. Солдаты спят вечным сном на одной из полян ее березовой рощи. Вокруг — десятки могил.

В Интернете недавно появился памятник, который сооружен к 75-летию Победы на холме у Ржева в деревне Хорошево: огромный, более тридцати метров высотой, солдат с автоматом вознесся в небо на крыльях журавлей. Солдатские сапоги не касаются земли. Так и будет парить он в небе вместе с птицами, как ангел войны, вечно озирая поля, долины и березовые рощи с братскими могилами, будто единая душа тех, кто лежит в ржевской земле.